

Нить жизни

Борис ГОРГУЛОВ

г. Киев

рассказ

Стар я стал, совсем стар, но ещё хожу по земле, ещё прядёт Клото¹ нить моей жизни. Как долго она будет прясть её, никому неизвестно. Только прядущая знает, сколько пряжи осталось, чтобы нить допрясть до конца.

Работа у Клото спорится: веретено крутится, дни бегут. Ещё вчера за окном, кажется, была весна, а сегодня в стёкла окон дождинками стучит осень.

Каждый раз, как прядущая переводит взгляд с веретена на нить и глядит на неё, я сразу чувствую: это память возвращает мне прошлое. Оно появляется перед глазами, плывёт перед ними, и я вижу его таким, каким оно было тогда — давным-давно. Хотя, может, и не совсем таким — чуть другим, но не потому, что изменилось, — ушедшее уже не меняется, — а потому, что изменился я и стал глядеть на всё другими глазами.

Настоящее многообразно. Но, всматриваясь в него, я замечал только то, что казалось мне важным, — остальное упускал. Упускал не потому, что мне так хотелось, а потому, что оно не трогало меня, тогда как взгляд мой не упускал ничего, всё видел и увиденное отправлял в память, даже не спросив меня, нужно это делать или нет. И то, что когда-то ускользнуло от моего внимания, теперь приходило из памяти, и, глядясь в него, я чувствовал, что многое в своё время упустил. Упущенное таило в себе разные возможности, но им не суждено было проявиться, с ними ничего не случилось, и стало грустно мне, что уже не вернуть их.

Если бы Клото задалась целью просмотреть свою работу от начала до конца, без единого пропуска, я смог бы тогда вспомнить свою жизнь не отдельными кусочками, а целиком и со всеми подробностями. Но она лишь изредка бросает взор на нить, и то беглый, быстрый,

— где он коснётся её, тот период жизни вспоминается.

Как-то взгляд её упал на начало нити. Случайно или намеренно — не знаю, только сразу я увидел, что качусь-падаю по ступенькам лестницы вниз. Ступенек было бесконечное множество, но я не испытывал страха перед ними: наверно, не знал, что такое страх, потому что был ещё совсем маленьким, мне не исполнилось и года. Процесс падения происходил странно долго — целую вечность, но это не смущало меня: я не ожидал, когда он кончится, а существовал в нём. И пока он длился, время и пространство проникли в мою память и завладели ею.

Я замечал, — и это было неоднократно, — что прошлое, впервые появившееся перед сознанием из памяти, привлекало к себе сильнее, нежели то прошлое, с которым сознание уже было знакомо до этого. Только что появившееся прошлое рождало ожидание, что я узнаю что-то неизвестное, новое, что было давно и ускользнуло в своё время от внимания по каким-то причинам.

Меня всегда интересовало, каким образом прошлое привело меня в настоящее. От впервые появившегося минувшего всегда веяло свежестью, — оно казалось чистым, прозрачным, незамутнённым, до него ещё не дотрагивались ни сегодняшние чувства, ни мысли, которые имели привычку на всём, к чему прикасались, оставлять свои следы.

В каждом воспоминании прятался смысл прожитой жизни, и сознание присматривалось к нему не из любопытства, — оно было ему ни к чему, — а из необходимости лучше понимать сегодняшнее.

¹ Клото — «прядущая», одна из трёх мойр, поставленных над человеком, она прядёт нить его жизни. Мойры — по греческой мифологии — дети великой богини Необходимости, которая называется Судьбой.

Воспоминание, где я качусь-падаю по ступенькам лестницы, — это мгновение жизни, которое первым запомнилось мне. Появилось оно из памяти перед сознанием, когда я был совсем юн — шла двенадцатая весна. Она была полна каких-то предчувствий, неясных обещаний, за которые ухватились мои надежды, нашептав мне сказку о том, что будет.

Тогда я откуда-то возвращался домой. Был вечер, синели сумерки, чернела земля — её прихватил весенний морозец. Грязь смёрзлась, взялась комьями, и по ней можно было идти, не опасаясь испачкаться. Воздух пах талой водой. Закат рдел, а светлое небо ещё не торопилось открываться звёздам.

Было легко и хорошо, хотелось вот так идти и идти, — хотелось, чтоб ни дорога, ни вечер не кончались. Но я уже знал, что нет ничего такого, что не кончалось бы когда-нибудь. Только одинокие мгновения, случалось, звучали вечностью. И вот такое мгновение пришло в тот вечер, и я ощутил вдруг, как во мне запело незнакомое чувство. Оно хотело выразиться, но не могло, и стало тревожить меня. Я прислушался к нему, и не только я, а и память моя тоже. Она прислушалась, оглянулась, будто желала увидеть то, что нас беспокоило, а потом заглянула в себя, и взгляд её на мгновение задержался на самом сокровенном, на её первом приобретении. И тогда я увидел, как качусь по ступенькам лестницы вниз.

Прошлое в тот вечер осторожно заслонило настоящее. Оно приблизилось ко мне, заглянуло в глаза и ушло.

И я снова почувствовал, как иду сквозь тишину. Предметы к этому часу из-за сгустившихся сумерек потеряли резкость очертаний, и только ветки деревьев отчётливее чернели на фоне всё ещё светлого неба.

Когда воспоминания приходили, они, добравшись до сознания, сразу оказывались в окружении чувств и мыслей, и в их свете они становились как бы другими. Но другое только чувствовалось — и не больше. Так мир от присутствия света или тени в своей сути тоже не менялся, но выглядел всё-таки иным.

Самое первое моё воспоминание, касавшееся моей жизни, память сохранила не случайно. Случайное быстро забывается, а это почти всю жизнь сопровождало меня, говорило о чём-то и не могло высказаться до конца.

Прошло много лет, — ушли детские годы, юность. Я приехал в город, в котором со мной в младенчестве случилось то происшествие — падение по ступенькам лестницы. Оглядев комнату, коридор, стенки, за которые держался, когда учился ходить, я отметил про себя, что их не помню, и они, кажется, меня тоже не помнили: глядели на меня равнодушно и холодно. Тогда я вышел на лестничную площадку и осмотрел лестницу. Ступеньки у неё были высокие и узкие, а сама она — невзрачна, убога и, кроме разочарования, ничего не вызвала у меня. Концами лестница опиралась на квадратные площадки, серые и не совсем чистые. А лестница, которую я видел тогда, в том далёком прошлом, ни на что не опиралась, — так казалось потому, что мои глаза видели только ту её часть, где были ступеньки, а всё остальное находилось вне зрения. Эти ступеньки заворожили меня: двигаться по ним можно было, только перемещаясь из одной плоскости на другую, а не так, как я двигался до этого — по плоскости и прямо. Это было чем-то новым и потому, наверно, привлекло меня.

Я помнил ступеньки, помнил падение с них, а всё остальное оказалось за какой-то завесой, не давшей больше ничему проникнуть в сознание. Ступенек на той лестнице было бесконечное множество, — и казалось так потому, что я не мог охватить их своим младенческим взглядом сразу все: ещё не умел это делать. И время падения тоже по этой же причине казалось бесконечным. А может, и нет: была какая-нибудь другая причина, например та, что я не помнил, когда началось и кончилось падение, которое в том прошлом всё ещё длилось.

Лестница из прошлого была прекрасна, влекла к себе, её окружала таинственность — недаром ребёнком мне хотелось познать её. Эта же, на которую я глядел, была обыденной и неинтересной.

Спрятав своё разочарование от всего увиденного, я спустился по лестнице вниз и вышел во двор. Его очертания смутно напомним о чём-то, но я не мог уловить, о чём именно. Прошлое посылало сигналы, но они были так слабы, что только тревожили меня, а больше ничего не могли сказать.

И там, во дворе, я вспомнил, что ездил на целину, когда был студентом, и, возвращаясь оттуда, решил заехать к своему дедушке. Его я не видел

целую вечность — он был то в ссылке, то воевал, то его снова отправили в ссылку, но вот наконец реабилитировали и он вернулся к себе на родину и звал меня приехать к нему.

И я поехал. Была осень — только-только пришла: не успела даже как следует оглядеться, чтобы заняться своими делами.

После поезда и автобуса было приятно идти пешком. Светило солнце, воздух был сухой и тёплый. Вдали, в мутной мгле, несколько смазанные, просматривались очертания гор. Плоская долина тянулась до них, вся она была в дымах от костров — жгли сухие стебли и мусор огородов. Рядом хлюпала река — я шёл вдоль неё. Реку не было видно: её прятал береговой кустарник, густой, непролазный. Где-то впереди должен был быть пешеходный мост, по которому мне нужно было перейти на другой берег и там двигаться дальше.

Подойдя к мосту, я глянул на него и на берег — они показались знакомыми. И я подумал: «Когда я мог их видеть, если здесь нахожусь впервые?»

Ступив на мост, я увидел: он очень старый. К перилам лучше было не прикасаться — сразу рухнут в воду, а доски под ногами были ещё крепкими.

Я дошёл до середины моста и посмотрел вниз, на реку, — там поток воды набегал на сваю и, разбиваясь об неё, пенился. Пена, освещённая солнцем, казалось, светилась изнутри.

Взгляд мой задержался на ней чуть дольше, чем на всём остальном, затем соскользнул на быстро тёкшую воду, на берег. С берега он вернулся на мост, но я не успел сосредоточиться на нём, как из памяти появился другой мост — в точности такой же, как этот, только новый. В лучах полуденного солнца, ослепительного и жаркого, он благоухал запахом строганой доски. Перила у него были янтарные, из сосны, а настил из толстых берёзовых досок белый. Эти доски не успели ещё запачкаться: по ним только начинали ходить.

И я увидел дедушку, его высокую фигуру в тёмном пиджаке. Он шёл впереди нас по мосту, а я с мамой двигался за ним. Мост был узкий, для пешеходов, но при необходимости по нему можно было проехать верхом на лошади. Мама держала меня за руку. Я шёл и смотрел под ноги, на белые доски настила, а когда мы дошли до середины

моста, мама позволила мне глянуть под мост, — было интересно, что там делалось, — и я увидел, как поток разбивался о сваю и пенился.

Мне было тогда два года. Тот мост, естественно, не сохранился: он либо обветшал и пришёл в негодность, либо его в какой-то год смыл паводок. Но каждый раз строили другой мост, похожий на предыдущий, так что он свой облик не менял и поэтому казался всё одним и тем же мостом.

Клото, бросая взгляд на нить, не задерживала его долго на ней. Она не стремилась отвлекать нас от жизни воспоминаниями, считала, что они мало что нам дают. Но так ли это? Любое воспоминание, даже незначительное, похоже на вежу, поставленную в поле. Торчит она там, выполняя предназначенное, и не её беда, что кто-то не знает, зачем она здесь.

Вспомнилась мне как-то зима послевоенного года. Тогда выпало много снега. Он был свеж и чист и дышал высью. Снег лежал на земле и на крышах домов, прятал под собой дороги, висел на проводах, на деревьях. Лес стал густым, как летом, и нельзя было заглянуть в его глубь из-за облепленных снегом веток.

Помню, над землёй висели низкие серые облака и снега под ними мягко белели, а под вечер, в стужающихся сумерках, тускнели, будто их посыпали пеплом. Полоска заката, с трудом пробившаяся сквозь облачность, не могла бросить на снег свой розовый свет: его хватало только на то, чтобы обозначить себя. Воздух был влажным, плотным, прозрачным. К вечеру его начало что-то беспокоить, и он лениво заворочался, как бы желая избавиться от того, что беспокоило, но не мог и стал раздражаться — в движениях появились резкость, порывистость, которая росла, усиливалась, пока не превратилась в ветер. Былинки, торчавшие из снега, запели тонко, жалобно. Тучи, почувствовав движение внизу, приподнялись выше, но ветер и там достал их, разорвал и погнал по небу. Они торопливо проносились над землёй, роняя снежинки.

Из-за горизонта показалась луна, огляделась — и стала подниматься вверх.

Тучи двигались то сплошной толпой, то вдруг редели, образуя просветы, которые заполнялись дымкой лунного света. Взгляд, скользя по такой дымке, видел только её мягкую голубизну, но

чуть задержавшись на ней, замечал: за голубишной темнело, как вода в полынье, небо. Затем в этой полынье он начинал различать отдельные звёздочки, их скопления и свет галактики.

Начиналась метель, и как только завертелась она, вечер стал похож на глубокую ночь.

Взрослые собирались идти в гости и меня брали с собой. Только они не очень торопились: у них находились разные дела, которые задерживали их, а я мог хоть сейчас идти. Ожидание томило меня.

Но вот наконец все готовы и направились к выходу. Я первым выскочил в сени и дальше во двор. Ветер сразу кинулся ко мне, будто знал, что я выйду. Но я отвернулся от него. Ему не понравилось это, и он что-то сказал – слов я не разобрал, а услышал только голос его, немного сердитый, свистящий. Потом ветер нагнулся, набрал в горсть снега и бросил его мне в лицо. Почувствовав тепло, снег сразу начал таять.

Я шёл по улице, занесенной снегом, сам тоже был весь в снегу. И радостное возбуждение нашло на меня – я уже не прятал лицо от метели, а подставлял его ей, и холодные струи воздуха, смешанные со снегом, теперь казались приятными.

Когда луна выглядывала из-за туч, становилось совсем светло, и было видно, как в воздухе носятся снежинки. Улицу раз за разом перебежали вихри и осыпали меня снежной пылью. Сугробы то сверкали, отражая лунный свет, то

тускнели, когда пряталась луна или напознала на них позёмка.

Как давно всё это было, что даже не верится, что оно было. И я подумал, зачем мне об этом напомнила память, что там было такого, чего я не заметил тогда, когда оно осуществлялось, и она решила напомнить о нём сейчас, чтобы я взгляделся в него. И кажется мне, что я не заметил тогда своего счастья, которое играло со мной.

Теперь Клото всё чаще и чаще отрывает взгляд от веретена и глядит на пряжу, которой осталось, видимо, совсем мало. Может, она думает, что довольно прясть, что нить жизни достаточно длинна. Но, пока имеется пряжа, нужно прясть. Пряжу выделила Судьба, и Клото не смеет слушаться её и прекратить работу, ведь доля её тоже в руках Непостижимой.

Воспоминание всегда являлось неожиданно – не ждётся, а оно приходит. Только это не значило, что приход его – случайное явление, совсем нет: он готовился в подсознании, а может, и в другом каком-то месте, как отклик на то состояние, которое образовывалось во мне.

Однажды, когда Клото взглянула на пряжу, веретено в её руках сбилось с ритма, и на мгновение задержалась работа; и тут же что-то схватило меня за сердце, стало трудно дышать, но прошла минута, другая – и отпустило. То Клото спохватилась и продолжила прясть нить моей жизни.

□

Борис Петрович ГОРГУЛОВ

родился в 1937 г. в Сухуми.

Поэт, прозаик.

Автор четырёх книг: «Прошлое всегда со мной» (2012),

«Большой Туман» (2013),

«Память – это остановившееся время» (2017),

«Истина у каждого времени своя» (2018).

В журнале «Север» публикуется впервые.

